

УДК 94(470)+94(477)"1917/25"

Татаринов И.Е.

К вопросу о формировании российско-украинской границы на юге Центрального Черноземья в 1917–1925 гг.

Одним из наиболее острых вопросов российско-украинских отношений остаётся проблема государственных границ. После Гражданской войны советское руководство пришло к решению о целесообразности строительства советского федеративного государства. Но каким образом и по каким критериям формировались границы и решались проблемы республиканской территориализации? Исследуемые вопросы приобрели особую актуальность в свете событий 2014 г. на Майдане в Киеве и звучащих на разных уровнях территориальных претензиях.

Вопросы российско-украинского административно-территориального разграничения неоднократно поднимались в работах как украинских, так и российских авторов. Отметим исследования таких украинских историков, как В. Боечко [1], В. Кузьменко [17], В. Сергийчук [20–21], Г. Ефименко [9–12] и других. Заметим, что украинская историография следует преимущественно в контексте идей академика АН УССР С. Рудницкого, который ещё в 1910 г. сделал акцент в вопросе украинской территориализации на этнокультурном принципе [19, с. 6]. Именно это положение отстаивали украинцы на межреспубликанских переговорах в 1920-е гг. Иную позицию занимают российские исследователи. Их разработки выделяются широтой выводов и более основательной работой с источниковой базой. Прежде всего, отметим труды Е. Борисёнок [2–3], Е. Кринко [15–16], К. Дроздова [7–8] и др. Отдельно отметим коллективную монографию "Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделённого единства" [18], где авторы затронули широкий спектр вопросов, в том числе уделили внимание историко-политическим характеристикам пограничья, а также проанализировали специфику трансграничных связей вдоль российско-украинской границы. Однако, несмотря на наличие серьёзных работ, следует указать на достаточно фрагментарное освещение российско-украинского разграничения на юге Центрального Черноземья в 1920-е годы.

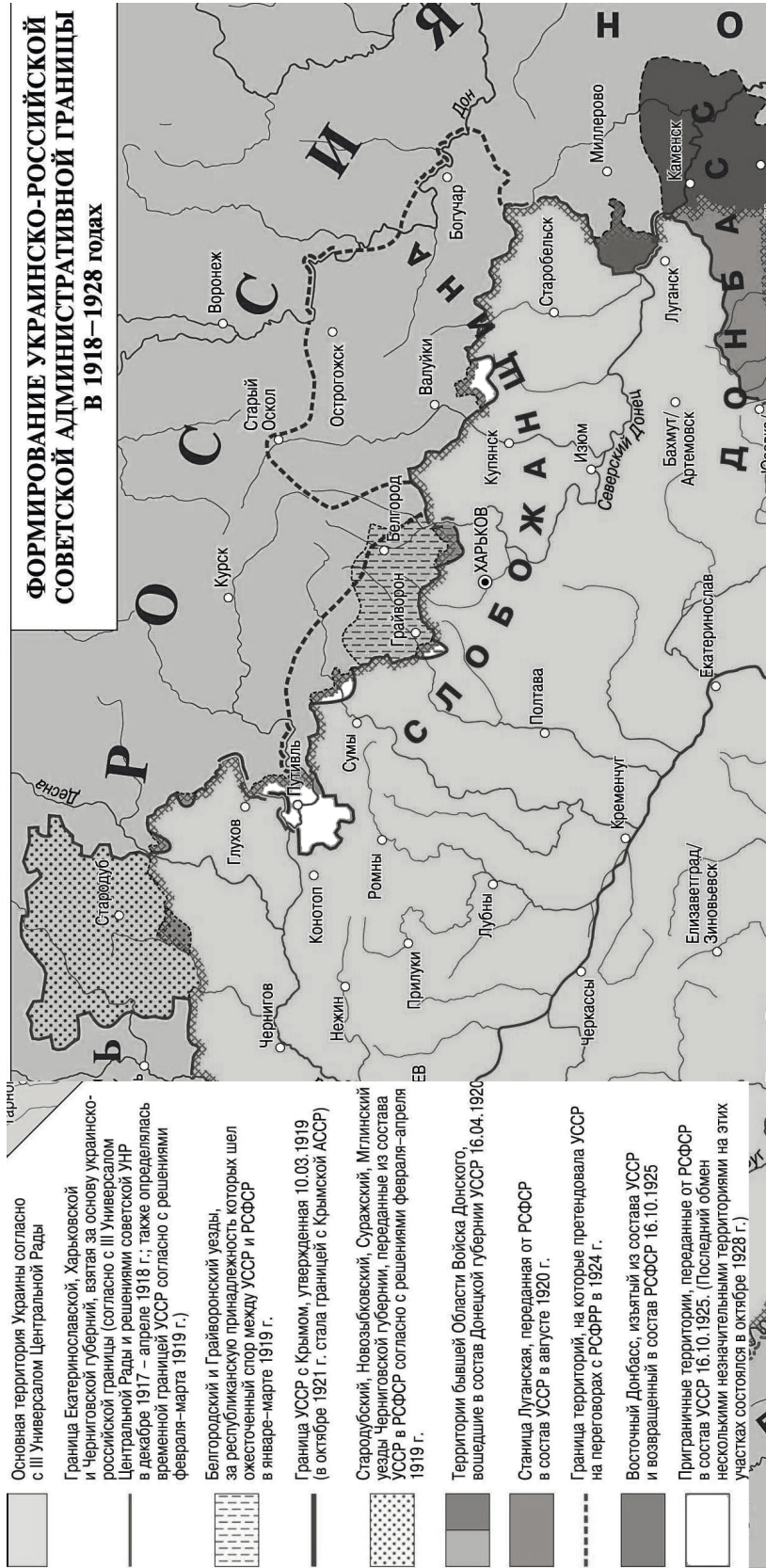
Целью статьи является систематизация источников по раннему периоду российско-украинского разграничения на юге Центрально-Чернозёмного района в 1920-е годы и дополнение документальной базы новыми материалами. Представляется важным проследить механизмы и динамику формирования границ, выявив основные факторы, обусловившие территориальное разграничение в исследуемом регионе.

Считается, что ни советское партийное руководство, ни И. Сталин не вмешивались в процесс российско-украинского разграничения до тех пор, пока его результаты не начали затрагивать всесоюзные интересы и ставить под угрозу социалистическое строительство. Республиканские и местные власти принимали активное участие в территориализации, заботясь в первую очередь о благосостоянии своих республик, что порою усложняло достижение компромисса. Существовавшее дореволюционное губернское деление не устраивало, прежде всего, украинцев, которые, апеллируя к справедливости границ, настаивали на этническом принципе.

На Всеукраинском национальном съезде, проходившем в Киеве с 6 (19) по 8 (21) апреля 1917 г., было оформлено образование Украинской Центральной рады (далее – УЦР) как высшего законодательного органа. В резолюции съезда в п. 3 утверждалось, что "Украинский съезд, признавая право всех на-

© Татаринов И.Е., 2019

Рисунок 1. Формирование украинско-российской административной границы в 1918–1928 гг.

Источник: [9]

ций на политическое самоопределение, считает: а) что границы между государствами должны быть установлены в соответствии с волей приграничного населения" [4]. Переговоры с центром привели к подписанию 4 (17) августа 1917 г. главою Временного правительства А. Керенским "Временной инструкции Генеральному секретариату Временного правительства на Украине". Документ закреплял полномочия Генерального секретариата УЦР как высшего органа Временного правительства по делам местного самоуправления в Украине. Следует обратить внимание на п. 2 Инструкции, где определялись границы украинской автономии. В частности, "полномочия Генерального секретариата распространялись на губернии Киевскую, Волынскую, Подольскую, Полтавскую и Черниговскую, за исключением Мглинского, Суражского, Стародубского и Новозыбковского уездов. Они могут быть распространяемы и на другие губернии или части их, в случаях, если образованные в сих губерниях, на основании постановления Временного правительства, земские учреждения высказуются за желательность такого распространения" [5, с. 227–228].

В ноябре 1917 г. в Третьем Универсале УЦР (политико-правовой акт общеполитического программного характера, издававшийся Центральной Радой – *авт.*) к территории УНР отнесли "земли, заселённые в большинстве своём украинцами. Окончательное определение границ УНР, как присоединённых частей Курщины, Холмищины, Воронежчины, так и смежных губерний, и областей, где большинство населения украинское, должно быть установлено по согласию организованной воли народов" [14, с. 67]. Позиция большевиков по принципам формирования границ основывалась на признании старого губернского деления. Так, в постановлении Совнаркома РСФСР от 17 апреля среди прочего отмечалось: "Губернии: Курская, Орловская, Тульская, Воронежская, Область войска Донского даже по одностороннему заявлению Киевской рады, воспроизведённом и заверенном в радио германского правительства от 29 марта, входят в состав Российской Федеративной Советской Республики. Учитывая это, на их территорию не должны распространяться военные действия, которые ведутся на Украине" [6, с. 123].

В результате интервенции Центральных держав, заключивших с УЦР военно-политическое соглашение о взаимопомощи, к маю 1918 г. под их контролем оказались все украинские губернии и юг Центрального Черноземья. 12 мая 1918 г. было подписано российско-украинско-немецкое перемирие и зафиксирована демаркационная линия между войсками. Однако украинцы апеллировали к несоответствию демаркации этнографическому принципу. Украинцы при поддержке австро-немецких войск быстро распространили свою юрисдикцию на ряд спорных районов. Речь шла о Путивльском, Суджанском, Грайворонском, Рыльском, Белгородском, Корочанском, Новооскольском уездах Курской губернии и Валуйском уезде Воронежской губернии, где были созданы украинские администрации. Согласно постановлению Правительства гетмана П. Скоропадского от 14 августа 1918 г. Путивльский и Рыльский уезды вошли в состав Черниговской, остальные – к Харьковской губернии (ЦГАВОВУ¹. Ф. 1064. Оп. 1. Д. 6. Л. 168). Опираясь на австро-немецкие воинские контингенты, украинское государство претендовало на значительные территории Центрального Черноземья, Кубань и Донскую область. 26 сентября 1918 г. Х. Раковский заявил, что "определять границы Украины можно только в рамках губерний, названных в Третьем Универсале УЦР. Вся остальная территория является российской, оккупированной украинским государством, и поэтому последняя должна её освободить" (ЦГАВОВУ. Ф. 2607. Оп. 1. Д. 2. Л. 16–18). Завершение Первой Мировой войны и ноябрьская революция в Германии привели к отзыву немецких войск. Отсутствие поддержки австро-немецких войск и начавшееся антигетманское восстание обрушили режим П. Скоропадского.

Изменением обстановки воспользовались большевики. В Курске 28 ноября 1918 г. образовалось Временное правительство УССР во главе с Г. Пятаковым, которое в январе 1919 г., переехав в Харьков, преобразовалось в СНК под руководством Х. Раковского. Некоторое время Совнарком УССР считал действительным административное деление 1918 г. В этой связи весьма

¹ ЦГАВОВУ – Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины.

показательно решение особой комиссии при комиссариате финансов от 3 марта 1919 г. по слушаниям ходатайства исполкома Валуйского уездного съезда советов Воронежской губернии. Речь шла о необходимости предоставить финансирование за ноябрь 1918 г. находившимся на государственном содержании педагогам уезда. Комиссия учла, "что Валуйский уезд постановлением гетманского правительства был отнесён к территории Украины и новое постановление по этому поводу Советского Украинского правительства, по которому Валуйский уезд признан таковым, который отошёл Российской Советской Республике / Воронежская губ / было принято только 10 февраля...", согласившись предоставить запрашиваемые средства (ЦГАВОВУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18. Ч. 1. Л. 12.).

Вопрос о спорных уездах Курской губернии вызывал острую реакцию местных властей. Так, 22 января 1919 г. Курский губернский чрезвычайком направил правительству УССР телеграмму, где указывалось: "Согласно постановлению ЦИК Советов уезды, которые освобождаются, подчиняются своему губернскому центру. Соответственно уезды Курской губернии, которые освобождаются, подчиняются Курску, а не Харькову. Прошу Вас немедленно сделать распоряжение Белгородской, Путивльской, Грайворонской и другим уездным ЧК Курской губернии, которые до сих пор подчинялись украинскому правительству, о том, что они подчиняются Курску, а не Харькову. О совершенных Вами мерах прошу сообщить в Курский Чрезвычайком" (ЦГАВОВУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 47. Л. 12.). Однако украинские большевики надеялись оставить спорные уезды под своим контролем. 28 января заведомо внутренних дел УССР В. Аверин в ответ на запрос почтового ведомства отмечал: "Грайворон, Белгород и Ворожба принадлежат Харьковской губернии". 31 января в телеграмме Белгородского уездного ревкома в Курск отмечалось: "В результате телеграммы сообщая, что Белгородский уезд, согласно постановлению Рабоче-крестьянского правительства Украины, входит в Харьковскую губернию. Удивляюсь вашей неосведомлённости" (ЦГАВОВУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 47. Л. 5, 12).

Спорный вопрос на некоторое время закрыл Кремль. Харьков получил прямое указание отказаться от спорных уездов. В решении президиума ЦК КП(б)У от 8 февраля, в качестве ответа на запрос Белгородского ревкома отмечалось: "Учитывая полученное распоряжение правительства о переходе Белгородского уезда в РСФСР, а также необходимости непосредственного подчинения Белгородского комитета ЦК РКП... не входить в обсуждение доклада по существу" (ЦГАВОВУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 8). А накануне управделами СНК УССР М. Грановский телеграфом сообщил в Москву, Курск, Белгород и Грайворон: "На заседании 7 февраля Временное рабоче-крестьянское правительство постановило: считать Белгородский и Грайворонский уезды таковыми, что входят в состав Курской губернии" (ЦГАВОВУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 47. Л. 27). 16 февраля глава СНК УССР Х. Раковский в телеграмме Г. Чичерину подтвердил, что "украинское рабоче-крестьянское правительство отказывается от какой бы то ни было юрисдикции над этими уездами" (ЦГАВОВУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 47. Л. 27. Л. 38).

На российско-украинских переговорах в Москве при экономико-правовом отделе НКВД 25 февраля 1919 г. созвали специальное "Межведомственное совещание по вопросу о выделении Гомельской губернии и установлении границ с Украиной". В итоге решили сохранить дореволюционные границы между губерниями в качестве границ между республиками, также провести по Перекопу границу между УССР и Крымом. По настоянию Х. Раковского Суражский, Новозыбковский, Мглинский и Стародубские уезды Черниговской губернии отошли к РСФСР. 28 апреля политбюро ЦК КП(б)У, рассмотрев вопрос "О северных уездах Черниговской губернии", постановило окончательно оставить их в составе России [12, с. 152]. Позиции сторон выглядели весьма аргументированными. Так, представитель УССР отмечал, что Белгородский и Грайворонский уезды тяготеют к Украине экономически и культурно. Не отрицая эти доводы, представитель России Д. Гопнер парировал, что целесообразнее подходить "с экономической и тактической точки зрения: в экономическом отношении Белгородский уезд, как богатый хлебный центр, имеет большое значение лишь для Великороссии, оставаясь незначительным для Украины. В тактическом отношении, в случае военных неудач Украины,

Великороссия, раз отказавшись от претензий на Белгородский уезд, тем самым лишится возможности предъявления претензий в будущем" (ЦГАВОВУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 110). Отстаивая старое губернское административное деление, представители Москвы активно апеллировали к наиболее важному, по их мнению, критерию – политической целесообразности. Что в итоге, и повлияло на отказ передачи Белгородского и Грайворонского уездов Харьковской губернии УССР.

8–10 марта 1919 г. в Харькове на 3-м Съезде Советов УССР провозглашено создание Украинской ССР как независимого государства, а также был принят проект Конституции УССР. Вопрос спорных районов Центрального Черноземья удалось на некоторое время закрыть подписанием 10 марта 1919 г. "Договора о границах с Российской Социалистической Советской Республикой". Признавались государственными административные границы УССР в рамках 9 губерний: Киевской, Херсонской, Подольской, Волынской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской и Таврической (ЦГАВОВУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18. Ч. 1. Л. 70).

Для республиканских партийных и хозяйственных функционеров вопросы границ всегда имели большое значение. Так, Генеральный прокурор УССР Н. Скрипник неоднократно озвучивал требования о присоединении территорий Азовской, Черноморской, Кубанской, Курской и Воронежской областей (ЦГАВОВУ. Ф. 3833. Оп. 1. Д. 197. Л. 56). Отвергая притязания украинцев, российская сторона выдвигала встречные требования о возврате земель Войска Донского, переданных в состав УССР в 1920 г.

В начале 1924 г. в адрес ЦИК СССР поступил украинский проект "О внешних границах УССР", где обосновывалась необходимость изменения границ причинами административного, экономического и политического характера (ЦГАВОВУ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 331. Л. 2–6). Украинская сторона настаивала на передаче УССР ряда территорий Курской, Воронежской губерний, населённых, согласно данным переписей населения в основном украинцами. В проекте подчёркивалось, что в этих губерниях проживало 1,7 млн. украинцев [1, с. 52]. Для рассмотрения проекта, ЦИК СССР создал специальную Комиссию, куда вошли по два представителя от сторон, которую возглавил А. Червяков. В результате был выработан предварительный проект разграничения, где были частично удовлетворены пожелания украинцев о присоединении Путивльского, Грайворонского (за исключением Бутовской волости) и Белгородского уездов. Согласовали также передать четыре волости Корочанского, три Новооскольского и одну волость Суджанского уездов – от Курской губернии, а от Воронежской – Валуйский уезд целиком.

Отметим, что украинская сторона рассчитывала на гораздо большие территориальные приобретения. Понимая, что на юге придётся отдать каменноугольные бассейны Александрово-Грушевского и Каменского районов, а также Таганрог и округу, было решено сосредоточиться на Центральном Черноземье. Постоянно апеллируя к этнографической составляющей, Украина выдвинула следующий проект изменения границ между РСФСР и УССР. Из Курской губернии к УССР предлагалось передать ряд волостей Путивльского и Суджанского уездов, весь Грайворонский (за исключением Буровской и Солдатской волостей) и весь Белгородский уезды, Пемскую волость Обоянского уезда, ряд волостей Корочанского уезда и несколько волостей Ново-Оскольского уезда. Из состава Воронежской губернии Украине должны были отойти Валуйский уезд, южная часть Острогожского, Россошский, Богучарский, северо-западные, юго-западные части Павловского и южная часть Калачевского уездов. Кроме того, просили передать селение Знобь-Трубчевская Трубецкого уезда и ряд сёл Севского уезда Брянской губернии [2, с. 212].

Украинцы подкрепляли свою позицию аргументами о том, что ещё в 1920 г. за вхождение в состав Украинской ССР высказались съезды ряда волостей Рильского уезда Курской губернии, волостей Путивльского уезда и других мест. В частности, в совместном постановлении Новооскольского, Корочанского и Белгородского уездных исполкомов отмечалось: "Ещё в 1917–1918 годах местное население единодушно высказалось в пользу присоединения к Харьковской губернии, и только немецкая оккупация Украины

прервала дальнейшее осуществление этого народного желания" (ЦГАОО². Ф. 5. Оп. 1. Д. 320. Л. 13, 39, 53, 321).

Масштабные требования украинской стороны вызвали удивление и недоумение российской делегации. Так, представитель РСФСР в Комиссии по урегулированию границ А. Белобородов заметил, что относительно Курской губернии "у нас почти ничего нет возразить, но относительно Воронежской губернии кажется, насколько я знаю, для нас это в большинстве является неожиданным ...Поскольку Украина ставит вопрос об отторжении целых уездов по существу половины Курской губернии, вопрос приобретает большое экономическое и политическое значение..." (ГАРФ³. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 11. Л. 6–7). Россияне в качестве контраргумента указывали на неоднозначность "лингвистической ситуации" в спорных пограничных уездах. Так, курский Губплан утверждал, что характерной особенностью спорной пограничной территории является этнографическая неоднородность, затрудняющая разрешение вопроса о границах на украинских принципах. Ссылались также и на обстоятельство, что "язык населения в значительной части пограничной с УССР полосы Курской губернии является средним, переходным от украинского к великорусскому", "по территории пограничной полосы ... идёт полоса чисто великорусских "егунских" говоров", вследствие чего "пограничную южную часть Курской губернии невозможно, по диалектологическому признаку, считать украинской". Поэтому при установлении новой административной границы "решающее значение должно быть оставлено за экономическими признаками" (ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 4. Л. 7об. – 9). Ставя под сомнение аргументы украинцев, россияне выдвинули встречные территориальные претензии на присоединение к Курской губернии Новгород-Северского уезда, части Глуховского и двух волостей Кролевецкого уездов Черниговской губернии. Эту заявку курян внесли на обсуждение в Комиссию по урегулированию границ [2, с. 214].

Схожую позицию занимало и руководство Воронежской губернии. В частности, губисполком также считал украинские претензии необоснованными и высказывался против изменения границ Воронежской губернии. Воронежцы указывали на однородность губернии по этнографическим, почвенно-климатическим, хозяйственным и другим параметрам. Как справедливо отмечает Е. Борисёнок, "оперируя лозунгами советской национальной политики, опираясь на решения XII съезда РКП(б) о коренизации, украинские партийные вожди сделали попытку разыграть почти беспроигрышную карту: сослаться на волю украинского населения, требующего присоединения к национальному государству – УССР. Добиваясь присоединения к Украине довольно обширной территории, украинские руководители надеялись на успех, тем более что положение сторон было явно неравным: Украинской республике противостояли в данном случае отдельные области РСФСР" [2, с. 216].

2 июля 1924 г. Харьков получил телеграмму из Москвы с просьбой "срочно выслать экономические, этнографические, географические и иные материалы по установлению границ между УССР и РСФСР" (ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 5. Л. 24). Украинский ВУЦИК решил ответить центру мнением двух крупнейших украинских историков того периода – академиков Д. Багалей и М. Грушевского. В соответствующей справке Д. Багалей основное внимание уделил современному этническому состоянию спорных территорий, указав, что украинскими по составу населения следует считать Острогжский, Богучарский, Бирючинский, Белгородский, Грайворонский и Путивльский уезды. М. Грушевский, аргументируя притязания украинцев на спорные районы Курщины и Воронежщины, обосновал необходимость присоединения части уездов к Украинской ССР ссылками на историю украинской колонизации этих земель. Он резюмировал свою справку выводом о необходимости "восстановления справедливости": "Как будто бы настало время объединить край по принципам экономической и культурной целесообразности, порвав совершенно со случайными и механическими губернскими делениями, и соответственно размежевать и восточные границы Украинской Республики в целях достиже-

² ЦГАОО – Центральный государственный архив общественных объединений Украины.

³ ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ния более планового производства и культурного развития" (ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 9. Л. 18).

Российские историки были не согласны с такими доводами. В статье проф. С. Введенского "Об украинском населении в пределах Воронежской губернии (по поводу исторических справок академиков Багалея и Грушевского)" автор обратил внимание, что в освещении украинских академиков "остаётся в тени вопрос о самой территории, куда направлялись эти переселенцы. Создаётся впечатление, будто массы новых поселенцев оседали на местах, представлявших собой действительно "Новый Свет" – области никому дотоле не принадлежавшие и никем не освоенные ни исторически, ни со стороны их географической номенклатуры". Он проанализировал историю Воронежского края с точки зрения её заселения и принадлежности к Рязанскому княжеству и Московскому государству, отметив следующее: "С незапамятной древности и до времени построения Воронежа (1586 г.) и других сторожевых городков (Оскол, Валуйки, Ливны и др.), территория Воронежской губернии всецело входила в состав коренных областей, освоенных великорусским племенем и никогда не представляла собой нейтральной, никому не принадлежащей или спорной полосы между двумя какими-либо этнографическими единицами" [2, с. 218–219]. Справедливо указывалось также на значительную долю преувеличений и неточностей в подсчётах академиков.

Грядущие изменения вызвали серьёзную озабоченность жителей пограничных территорий. Так, на сессии Воронежского губисполкома (ноябрь 1924 г.) председатель Богучарского уездного исполкома заявил, что "большинство жителей Богучарского уезда не желает присоединения к Украине из-за неудобства связи с украинскими центрами. Настроение крестьян в этом вопросе отрицательное" [2, с. 220]. На местах многие руководители отрицательно воспринимали будущие территориальные изменения в пользу Украины. В некоторой степени активно проводимая в УССР украинизация вызывала беспокойство и негатив как у русского населения, и, как ни парадоксально, у самих украинцев Центрального Черноземья. Население в большинстве своём не одобряло изменения и беспокоилось о возможных трудностях. Так, председатель Острогожского исполкома утверждал, что "большинство жителей Острогожского уезда определённо не считают себя малороссами, украинизация в уезде совершенно невозможна и должна перевернуть всю жизнь верх дном" (ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 17. Л. 26). Показательно, что ещё в 1917 г. Острогожская уездная земская управа провела анкетирование с целью выяснить, желает ли сельское население обучаться в школах на украинском языке. Ответы свидетельствовали о нежелании проводить украинизацию: из 44 сельских общин только 9 высказалось "за", а остальные – "против" [2, с. 222].

Как видим, процесс российско-украинской территориализации был исключительно противоречивым. С одной стороны, нельзя не учитывать петиции жителей ряда уездов о присоединении их к Украинской ССР. С другой – часто доминировали противоположные мнения. Отметим чрезвычайно сложный этнический состав пограничных с Украиной российских территорий. Ситуация осложнялась активной проводимой властями УССР украинизацией. В то же время ассимиляционные процессы в спорных уездах зашли достаточно далеко, и провести украинизацию школ, делопроизводства и прессы можно было лишь принудительными административно-командными мерами.

Заметим, что позиция населения существенного влияния на урегулирование вопроса об украинско-российской границе на членов Комиссии не оказала. Решающим для центра стало мнение различных административно-хозяйственных инстанций, высказавшихся против резких изменений. 30 ноября 1924 г. комиссия ЦИК СССР по урегулированию границ постановила положить "в основу урегулирования границ между УССР и РСФСР этнографический признак, присоединяя к республике непосредственно прилегающие к ней территории, заселённые в большинстве населения национальностями этой республики" (ЦГАОУ Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1813. Л. 102–106). В то же время комиссия оставляла для себя возможность некоторых исключений, указывая на необходимость учитывать также и экономические моменты, где "экономическое тяготение в тех отдельных случаях, где оно является ярко выраженным, а также ... момент административного удобства лишь в отноше-

нии отдельных мельчайших административных делений" (ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 11. Л. 10–11).

Обе стороны не удовлетворились таким решением. Украинская делегация выступила с "особым мнением" по вопросу об изменении границ между УССР и РСФСР, настаивая на необходимости привести Украину "к пределам её этнографических границ и тем исправить неправильное размежевание по губерниям царского времени", а также учитывать "национально-этнографический момент" и "экономическое сродство данной территории с УССР". Они настаивали, что "отторгаемая ... территория имеет население (сельского) 901 287 чел., из них украинцев 478 814 чел. (53 %), великороссов 419 892 чел. (47 %) и прочих 1 581 чел. (0,17 %), если мы сюда причислим городское население Белгорода, Путивля, то украинское население составит около половины". Указывая на ярко выраженную чересполосность заселения этих территорий, РСФСР считает "целесообразным произвести лишь частичное исправление границ" [2, с. 229–230].

Новые границы окончательно зафиксировали Постановлением ЦИК СССР "Об урегулировании границ Украинской ССР с РСФСР и Белорусской ССР" от 16 октября 1925 г. Всего к УССР присоединили территорию с 278 081 жителей, к РСФСР – 478 009 жителей. В частности, на юге Центрального Черноземья к УССР отошли "Семеновская волость Новозыбковского уезда Гомельской губернии; селение Знобь Трубчевской волости Почепского уезда Брянской губернии; селения Хинельской волости Севского уезда Брянской губернии: Фатевиж, Барановка, Демьяновка, Муравейня, Толстодубово (бывш. Лемешковской волости) и Сельцо-Никитское, Сетное, деревня Грудская (бывш. Подыводской волости); весь бывш. Путивльский уезд (с гор. Путивлем), за исключением бывш. Крупецкой волости в старых её границах; бывш. Криничевская волость бывш. Суджанского уезда Курской губернии; южная часть Грайворонской волости Грайворонского уезда Курской губернии; южная часть Муромской волости Белгородского уезда Курской губернии, Троицкая волость и часть Уразовской волости Валуйского уезда Воронежской губернии" [13]. Заметим, что в последующие годы украинцы продолжали добиваться пересмотра границ в свою пользу.

Отдельно следует отметить, что проведённое разграничение разделило ряд населённых пунктов, а также сложившуюся производственную инфраструктуру – предприятия, колхозы и совхозы, линии коммуникаций, что не могло не отобразиться на их социально-экономическом состоянии. С распадом СССР, когда очертания советских республик приобрели характер государственной границы, появились дополнительные трудности для жителей российско-украинского приграничья. В то же время, как показали последние исследования, на исследуемых территориях отмечается наличие весьма своеобразной пограничной идентичности переходного и размытого характера. Что не удивительно, поскольку "в условиях широкого распространения двуязычия и смешанных браков многие граждане ассоциируют себя одновременно и с украинской, и с русской культурами... При этом политическая (государственная) идентичность белгородцев сильнее, чем у харьковчан, что в определённой степени отражало восприятие людьми социально-экономической ситуации в двух областях". Кроме этого, наблюдается "внутреннее сопротивление части населения государственному курсу на сплочение украинской политической нации на базе только украинской историографии и культуры, связанное с приверженностью многих граждан двум культурам" [18, с. 176].

Подводя итог, отметим, что большая часть украино-российских пограничных споров на юге Центрального Черноземья имела место в течение 1920-х гг. Процесс республиканской территориализации был неоднозначный и сопровождался многочисленными апелляциями сторон к руководству страны. Благоприятная для центра социально-политическая ситуация создала основания для перевода разграничения с межгосударственной плоскости к положениям о реформировании внутреннего административно-территориального деления, где основной акцент делался на экономическую и политическую целесообразность. При этом мнение населения приграничных районов не учитывалось. Очевидно, главные мотивы, которыми руководствовались стороны, вытекали из представлений об интересах своих государственных административно-территориальных образований. Поэтому так непросто шла дискуссия

между соседними регионами двух союзных республик, руководители которых отстаивали порой взаимоисключающие позиции. Идя в некоторых вопросах навстречу позиции УССР по применению этнического подхода, который они неизменно отстаивали на протяжении всего периода разграничения, в конечном итоге, обе стороны согласились учесть политико-экономическую целесообразность. Хотя в некоторых вопросах было сделано исключение и применён этно-территориальный принцип. Юг Центрального Черноземья стал серьёзным камнем преткновения для сторон, которые имели разные представления о целесообразности. Найденный компромисс оказался недостаточно эффективным. Однако сложившаяся на тот момент обстановка не позволяла выработать иное решение.

Литература

1. Боечко В., Ганжа А., Захарчук Б. Границы Украины: историческая ретроспектива и современное положение. К.: "Основы", 1994. 168 с.
2. Борисенко Е.Ю. Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2005. С. 205–237.
3. Борисенко Е.Ю. Феномен советской украинизации, 1920 – 1930-е годы / Ин-т Славяноведения РАН. М.: Европа, 2006. 256 с.
4. Вісті з Української Центральної Ради. 1917. № 3. Квітень.
5. Временная инструкция Генеральному секретариату Временного правительства на Украине / Архив новейшей истории России. Серия "Публикации". Т. IX. Журналы заседаний Временного правительства: Март-октябрь 1917 года. В 4-х т. Том 3. Июль–август 1917 года. М.: РОССПЭН, 2004.
6. Декреты Советской власти (далее – ДСВ). Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. 624 с.
7. Дроздов К.С. Государственное регулирование русско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье (1923–1933 гг.) / Автореф. дисс. на соиск. науч. степ. канд. ист. наук по спец. 07.00.02. М.: МГУ, 2010. 30 с.
8. Дроздов К.С. "...Признать вполне целесообразным присоединение Белгородского уезда к УССР..." (К вопросу изменения административно-территориальных границ между РСФСР и Советской Украиной в 1924 году) // Межнациональные отношения в южнорусском порубежье: материалы областной науч.-практ. конф. / Под ред. А.И. Дудка. – Белгород, 2006. С. 13–21.
9. Ефименко Г. В 1917–1918 гг. границы Украины сформировала Советская Украина, то есть большевики? // ЛІКБЕЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://likbez.org.ua/?p=907> (дата обращения: 01.08.2018).
10. Єфіменко Г.Г., Кульчицький С.В. Кордони державні України, принципи і історична практика їх визначень // Енциклопедія історії України: У 10 т. К., 2008. Т. 5. С. 137–148.
11. Єфіменко Г. Статус УСРР та її взаємовідносини з РСФРР: довгий 1920 рік. Монографія. Київ, Інститут історії України, 2012. 367 с.
12. Єфіменко Г. Визначення кордону між УСРР та РСФРР (1917–1920) // Проблеми історії України: факти, судження пошуку. 2011. С. 135–176.
13. Известия. 1926. 31 января.
14. Конституційні акти України. 1917–1920. Невідомі конституції України. К.: "Філософська та соціологічна думка", 1992. 569 с.
15. Кринко Е.Ф., Медведев М.В. "...Избрать паритетную комиссию": документы о передаче Таганрогского и Шахтинского округов в состав РСФСР в 1924–1925 гг. // Русский архив. 2015. № 3–4(10).
16. Кринко Е.Ф., Татаринов И.Е. "Мы – Россия, а Вы – Украина, и нам до Вас нет дела...": территориальные споры в Приазовье и на Донбассе в 1920-е гг. // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2014. № 34(4). С. 639–644.
17. Кузьменко В.Б. До історії формування північно-східного та східного кордонів України (1917–1925 рр.) // Університетські наукові записки Хмельницького ун-ту управління та права. 2005. № 4(16). С. 26–30.
18. Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделённого единства: монография / под ред. В.А. Колосова, О.И. Вендиной. М.: Новый хронограф, 2011. 352 с.
19. Рудницький С. Коротка географія України. К.: "Лан", 1910.
20. Сергийчук В.І. Етнічні межі і державний кордон України. К.: ПП Сергийчук М.І., 2008. 560 с.
21. Сергийчук В.І. Північний Кавказ: українські аспекти заселення, розвитку господарства та національної свідомості. К.: ІМФЕ ім. М.Т. Рильського НАН України, 2014. 294 с.

Транслітерація по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Boechno V., Ganzha A., Zakharchuk B. Granitsy Ukrainy: istoricheskaya retrospektiva i sovremennoe polozhenie. K.: "Osнови", 1994. 168 s.
2. Borisenok E.YU. Ukraina i Rossiya: spor o granitsakh v 1920-e gody // Regiony i granitsy Ukrainy v istoricheskoy retrospektive. M.: In-t slavyanovedeniya RAN, 2005. S. 205–237.
3. Borisenok E.YU. Fenomen sovetskoj ukrainizatsii, 1920 – 1930-e gody / In-t Slavyanovedeniya RAN. M.: Evropa, 2006. 256 s.
4. Visti z Ukraïns'koï TSentral'noi Radi. 1917. № 3. Kviten'.
5. Vremennaya instruktsiya General'nomu sekretariatu Vremennogo pravitel'stva na Ukraine / Arkhiv novejshej istorii Rossii. Seriya "Publikatsii". T. IX. Zhurnaly zasedanij Vremennogo pravitel'stva: Mart-oktyabr' 1917 goda. V 4-kh t. Tom 3. Iyul'-avgust 1917 goda. M.: ROSSPEHN, 2004.
6. Dekrety Sovetskoj vlasti (dalee – DSV). T.II. 17 marta – 10 iyulya 1918 g. M., 1959. 624 s.
7. Drozdov K.S. Gosudarstvennoe regulirovanie russko-ukrainskikh natsional'nykh otnoshenij v TSentral'nom Chernozem'e (1923–1933 gg.) / Avtoref. diss. na soisk. nauch. step. kand. ist. nauk po spets. 07.00.02. M.: MGU, 2010. 30 s.
8. Drozdov K.S. "...Priznat' vpolne tselesoobraznym prisoedinenie Belgorodskogo uezda k USSR..." (K voprosu izmeneniya administrativno-territorial'nykh granits mezhdru RSFSR i Sovetskoj Ukrainoj v 1924 godu) // Mezhnatsional'nye otnosheniya v yuzhnorusskom porubezh'e: materialy oblastnoj nauch.-prakt. konf / Pod red. A.I. Dudka. – Belgorod, 2006. S. 13–21.
9. Efimenko G. V 1917–1918 gg. granitsy Ukrainy sformirovala Sovetskaya Ukraina, to est' bol'sheviki? // LIKBEZ [Elektronnyj resurs]. URL: <http://likbez.org.ua/?p=907> (data obrashheniya: 01.08.2018).
10. Efimenko G.G., Kul'chits'kij S.V. Kordonni derzhavni Ukraïni, printsipi i istorichna praktika ikh viznachen' // Entsiklopediya istorii Ukraïni: U 10 t. K., 2008. T. 5. S. 137–148.
11. Efimenko G. Status USRR ta її взаємовідносини з RSFR: довгий 1920 рік. Монографія. Київ, Інститут історії України, 2012. 367 s.
12. Efimenko G. Viznachennya kordonu mizh USRR ta RSFR (1917–1920) // Problemi istorii Ukraïni: fakti, sudzhennya poshuki. 2011. S. 135–176.
13. Izvestiya. 1926. 31 yanvarya.
14. Konstitutsijni akti Ukraïni. 1917–1920. Nevidomi konstitutsii Ukraïni. K.: "Filosofs'ka ta sotsiologichna dumka", 1992. 569 s.
15. Krinko E.F., Medvedev M.V. "...Izbrat' paritetnyyu komissiyu": dokumenty o peredache Taganrogskogo i SHakhtinskogo okrugov v sostav RSFSR v 1924–1925 gg. // Russkij arkhiv. 2015. № 3–4(10).
16. Krinko E.F., Tatarinov I.E. "My – Rossiya, a Vy – Ukraina, i nam do Vas net dela...": territorial'nye spory v Priazov'e i na Donbasse v 1920-e gg. // Bylye gody. Chernomorskij istoricheskij zhurnal. 2014. № 34(4). S. 639–644.
17. Kuz'menko V.B. Do istorii formuvannya pivnichno-skhidnogo ta skhidnogo kordoniv Ukraïni (1917–1925 rr.) // Universitets'ki naukovі zapiski KHMel'nits'kogo un-tu upravlinnya ta prava. 2005. № 4(16). S. 26–30.
18. Rossijsko-ukrainskoe pogranich'e: dvadtsat' let razdelyonnogo edinstva: monografiya / pod red. V.A. Kolosova, O.I. Vendinoj. M.: Novyj khronograf, 2011. 352 s.
19. Rudnits'kij S. Korotka geografiya Ukraïni. K.: "Lan", 1910.
20. Sergijchuk V.I. Etnichni mezhi i derzhavnij kordon Ukraïni. K.: PP Sergijchuk M.I., 2008. 560 s.
21. Sergijchuk V.I. Pivnichnij Kavkaz: ukraïns'ki aspekti zaseleння, rozvitku gospodarstva ta natsional'noi svidomosti. K.: IMFE im. M.T. Ril'skogo NAN Ukraïni, 2014. 294 s.

Татаринов И.Е. К вопросу о формировании российско-украинской границы на юге Центрального Черноземья в 1917–1925 гг.

Статья освещает вопросы формирования российско-украинской границы на юге Центрально-Чернозёмного района в 1920-е гг. Она основана на изучении архивных документов, анализе современных публикаций ведущих специалистов. Сложившийся в приграничных районах смешанный состав населения осложнял проведение границ строго по этническим принципам. Территориальный спор завершился в 1925 г. передачей ряда районов Воронежской и Курской губерний Украинской ССР.

Ключевые слова: *Украинская ССР, Центрально-Чернозёмный район, украинско-российская граница, территориализация, Воронежская губерния, Курская губерния*

Tatarinov I.E. On the formation of the Russian-Ukrainian border in the south of the Central Black Earth Region in 1917–1925.

The article deals with the issues of formation of the Russian-Ukrainian border in the south of the Central Black Earth region in the 1920s. It is based on a study of archival documents, contemporary publications of leading experts. Fold in the border areas of the mixed composition of the population complicates the strict boundaries on ethnic principles. The territorial dispute culminated in 1925 after transfer of some districts of the Voronezh and Kursk provinces to the Ukrainian SSR.

Key words: *Ukrainian SSR, Central Black Earth Region, Ukrainian-Russian border, territorialization, Voronezh and Kursk provinces*

Для цитирования: Татаринов И.Е. К вопросу о формировании российско-украинской границы на юге Центрального Черноземья в 1917–1925 гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 103–113. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/103-113

For citation: Tatarinov I.E. On the formation of the Russian-Ukrainian border in the south of the Central Black Earth Region in 1917–1925 // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 1. P. 103–113. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/103-113

